

И.Г. СМЕРНОВА

кандидат юридических наук, доцент

ЗАЩИТА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ИНТЕРЕСА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ЗНАЧЕНИЕ ПРАВОВЫХ ПОЗИЦИЙ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ

Конституция РФ (ст. 10) закрепляет принцип разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную, которые являются самостоятельными. Такое разделение предполагает ограничение деятельности одной ветви власти другой, их взаимное уравновешивание, предотвращение монополизации власти каким-либо одним институтом государства путем действия системы сдержек и противовесов.

Ш.Л. Монтескье, обосновывая идею разделения властей, отмечал: «Все погибло бы, если бы в одном и том же лице или учреждении, составленном из сановников, из дворян или из простых людей, были соединены эти три власти: власть создавать законы, власть претворять в исполнение постановления общегосударственного характера и власть судить преступления и тяжбы частных лиц»¹.

Давая оценку данному принципу, четвертый президент США Д. Мэдисон писал: «Если имеется принцип в нашей конституции, в любой демократической конституции, более священный, чем остальные, это принцип, который разделяет законодательные, исполнительные и судебные полномочия»².

Однако со времени развития Ш.Л. Монтескье идеи разделения властей у судов появилась еще одна, ранее неизвестная функция — функция конституционного контроля. Так, «предоставление судам права признавать недействительными и отменять нормы органов власти и управления кардинально меняет роль суда. Он перестал быть органом разрешения индивидуальных споров, его компетенция распространяется на нормотворчество... При этом авторитет суда в определенном смысле поднимается выше авторитета другого властного органа, поскольку суд может отменить решение этого органа, а тот не может отменить решение суда»³.

Именно этим, как совершенно обоснованно отмечают ученые, определяется роль Конституционного Суда РФ в обеспечении принципа разделения властей при решении дел о соответствии Конституции РФ, в частности, федеральных законов⁴, что проявляется в особом месте Конституционного Суда РФ в законодательно закрепленной действующей судебной системе⁵.

Определяя сущность Конституционного Суда РФ, В.Д. Зорькин подчеркивал, что это национальный судебный орган, осуществляющий защиту прав и свобод человека и гражданина посредством конституционного судопроизводства согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией РФ⁶. Статус, полномочия, порядок образования и деятельности Конституционного Суда РФ урегулированы федеральным конституционным законом «О Конституционном Суде Российской Федерации»⁷. Исходя из содержания ст. 2 указанного закона Конституционный Суд РФ является органом конституционного контроля, самостоятельно, независимо реализующим судебную власть путем осуществления конституционного судопроизводства.

Особое место Конституционного Суда РФ в действующей судебной системе обусловило неопределимую роль, которую он играет в защите прав и свобод личности в уголовном судопроизводстве. Указанное в полной мере применимо и к правоотношениям в сфере профессиональной (в том числе и коммерческой) деятельности.

Так, в УПК РФ самостоятельное законодательное закрепление получил принцип законности, согласно которому суд, прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель не вправе применять федеральный

закон, противоречащий УПК РФ. Подчеркивая особую значимость данного вопроса, в ч. 1 ст. 1 УПК РФ законодатель закрепил правило, в соответствии с которым порядок уголовного судопроизводства на территории Российской Федерации устанавливается УПК РФ, основанным на Конституции РФ. Комментируя указанную норму, В.П. Божьев подчеркнул, что основной массив уголовно-процессуальных компонентов решается УПК РФ, который является единственным уголовно-процессуальным законом страны. Однако к регулированию уголовно-процессуальных отношений относятся некоторые правовые нормы, содержащиеся в других федеральных законах. В таких случаях основания для решения важнейших вопросов судопроизводства содержатся в специальных законах, нормы которых не должны противоречить УПК. Если же такое противоречие имеет место, то оно решается в пользу УПК РФ. Более того, нормы законов, направленных на обеспечение действия процессуальных норм, должны быть сформированы с учетом требований УПК или приведены в соответствие с ними⁸.

В то же время установление столь жесткого приоритета норм УПК РФ над нормами, закрепленными в иных законодательных актах, приводит к формированию негативной правоприменительной практики. Так, в связи с расследуемым прокуратурой Западного административного округа г. Москвы уголовным делом 29 декабря 2004 г. на основании постановления следователя, предполагавшего, что в помещении адвокатского бюро «Адвокатская фирма "Юстина"» изготавливаются и хранятся поддельные документы, был произведен обыск на рабочих местах адвокатов, а также изъят ряд документов по правилам, предусмотренным ст. 182 УПК РФ, т.е. на основании постановления следователя без получения решения суда. Вместе с тем иной порядок установлен в п. 3 ст. 8 федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»: обыск в служебном помещении, используемом для адвокатской деятельности, может быть произведен только на основании судебного решения. Конституционность вышеуказанных норм УПК РФ явилась предметом

рассмотрения в Конституционном Суде РФ, который принял в этой связи «уникальное решение»⁹.

Подчеркнув, что положения УПК РФ в единстве с требованиями федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» не предполагают возможности производства обыска в служебном помещении адвоката или иного адвокатского образования без судебного решения, Конституционный Суд РФ дал следующую оценку ст. 7 УПК РФ. Федеральный законодатель, кодифицируя нормы, регулирующие производство по уголовным делам, вправе — в целях реализации конституционных принципов правового государства, равенства и единого режима законности, обеспечения государственной защиты прав и свобод человека и гражданина в сфере уголовной юстиции — установить приоритет Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации перед иными федеральными законами в регулировании уголовно-процессуальных отношений. В случае коллизии законов приоритет Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации имеет место лишь при условии, что речь идет о правовом регулировании уголовно-процессуальных отношений, поскольку уголовное судопроизводство представляет собой самостоятельную сферу правового регулирования, а юридической формой уголовно-процессуальных отношений является уголовно-процессуальное законодательство как отдельная отрасль в системе законодательства Российской Федерации, и установление новых норм, регулирующих уголовно-процессуальные отношения, по общему правилу должно быть согласовано с Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации. Из этого следует, что приоритет Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации перед другими федеральными законами не является безусловным: он может быть ограничен как установленной Конституцией РФ иерархией федеральных конституционных законов и обычных федеральных законов, так и правилами о том, что в случае коллизии различных законов равной юридической силы приоритетным признается последующий закон и закон, который специально предназначен для

регулирования соответствующих отношений. О безусловном приоритете норм уголовно-процессуального законодательства не может идти речи и в случаях, когда в иных (помимо Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, закрепляющего общие правила уголовного судопроизводства) законодательных актах устанавливаются дополнительные гарантии прав и законных интересов отдельных категорий лиц, обусловленные в том числе их особым правовым статусом¹⁰.

Аналогичное решение было принято Конституционным Судом РФ позднее по жалобе ООО «Аудиторская фирма "АристаЛюкс"», чей сервер, содержащий сведения об операциях аудируемых фирмой лиц, был изъят в ходе проведения выемки в рамках расследования уголовного дела, возбужденного по факту преднамеренного банкротства государственного унитарного предприятия «Главное агентство воздушных сообщений гражданской авиации», в то время как п. 4 ст. 8 федерального закона «Об аудиторской деятельности»¹¹ закрепляет, что предоставление документов, содержащих сведения об операциях аудируемых лиц или лиц, с которыми аудиторской фирмой или индивидуальным аудитором заключен договор оказания сопутствующих аудиту услуг, уполномоченным лицам или органам государственной власти допускается исключительно по решению суда.

Конституционный Суд РФ, подтверждая свою ранее сформулированную по этому вопросу позицию, отметил, что необходимо учитывать особенности предмета правового регулирования конкретных законодательных актов при разрешении возникающих в ходе их применения коллизий с другими законами, в частности приоритет норм, гарантирующих конституционные права и свободы.

Ограничение прав и законных интересов личности в уголовном судопроизводстве также связано с институтом вещественных доказательств. УПК РФ (ст. 81) определяет круг предметов, которые могут признаваться вещественными доказательствами, устанавливает правило, согласно которому эти предметы признаются вещественными доказательствами и приобщаются к делу по соответствующему постановлению, пред-

писывает при окончании судопроизводства путем вынесения приговора, а также определения или постановления о прекращении уголовного дела решать вопрос о вещественных доказательствах, в том числе об их конфискации, уничтожении или возврате законному владельцу. Согласно ст. 82 УПК РФ, вещественные доказательства, которые ввиду их громоздкости или по иным причинам не могут храниться при уголовном деле, сдаются на хранение в место, определяемое дознавателем, следовательно, возвращаются их законному владельцу, если это возможно без ущерба для доказывания, передаются для реализации или уничтожаются, в связи с чем выносится соответствующее постановление. В Конституционный Суд РФ обратился гражданин А.И. Головкин, который утверждал, что положения ст. 82 УПК РФ, согласно которым вещественные доказательства в виде изъятых из незаконного оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции после проведения необходимых исследований передаются для их технологической переработки или уничтожаются, в нормативном единстве с ч. 12 ст. 27.10 Кодекса РФ об административных правонарушениях и постановлением Правительства РФ от 11 декабря 2002 г. № 883 «Об утверждении Положения о направлении на переработку или уничтожение изъятых из незаконного оборота либо конфискованных этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции»¹², позволяют осуществлять конфискацию принадлежащего гражданам имущества без соответствующего судебного решения и тем самым противоречат Конституции РФ. По существу поданной жалобы Конституционный Суд РФ пояснил, что право частной собственности не является абсолютным и может быть ограничено федеральным законом в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Такого рода ограничения могут выражаться, в частности, в наделении лиц, производящих дознание и предварительное следствие, полномочиями по применению — в целях обеспечения

производства по делу — превентивных мер, включающих изъятие у обвиняемых или подозреваемых вещей и документов.

Временное изъятие имущества, представляющее собой процессуальную меру обеспечительного характера и не порождающее перехода права собственности на имущество к государству, не может расцениваться как нарушение конституционных прав и свобод, в том числе как нарушение права собственности. Вместе с тем необходимо обеспечить лицам, в отношении которых подобного рода ограничения применяются, права обжаловать в суд соответствующие решения и действия, сопряженные с ограничением правомочий владения, пользования и распоряжения имуществом.

Оценка судом законности и обоснованности изъятия у собственника или владельца того или иного имущества, в том числе в связи с наложением на него ареста и приобщением к уголовному делу в качестве вещественного доказательства, не может сводиться к установлению лишь его формального соответствия требованиям закона, определяющего полномочия соответствующих должностных лиц органов предварительного расследования или прокуратуры, а предполагает признание того, что иным способом невозможно обеспечить решение стоящих перед уголовным судопроизводством задач. При этом должны приниматься во внимание как тяжесть преступления, в связи с расследованием которого решается вопрос об изъятии имущества, так и особенности самого имущества, в том числе его стоимость, значимость для собственника или владельца и общества, возможные негативные последствия изъятия имущества. В зависимости от этих обстоятельств как следователь, так затем и суд, решая вопрос о признании имущества вещественным доказательством, должны определять, подлежит ли это имущество изъятию, передаче для технологической переработки или уничтожению, либо же оно может быть сфотографировано, снято на видео- или киноплёнку и возвращено владельцу на ответственное хранение до принятия окончательного решения по уголовному делу.

Таким образом, изъятие имущества, представляющее собой процессуальную

меру обеспечительного характера, допустимо без судебного решения, распространяется лишь на те случаи, когда изъятие имущества является временным, не порождает лишения гражданина права собственности и его перехода к государству и предполагает последующий судебный контроль. Следовательно, УПК РФ не предусматривает возможности передачи для технологической переработки или уничтожения изъятых из незаконного оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, приобщенных к уголовному делу в качестве вещественного доказательства, без судебного решения¹³.

Примечания

¹ Цит. по: Полянский И.А., Комарова В.В. Реализация принципа разделения властей в РФ // Юрист. 2000. № 12. С. 2.

² Цит. по: Баренбойм П. Никсон против США (1993 г.): К вопросу о доктрине разделения властей // Российская юстиция. 1995. № 10. С. 53.

³ Судебная власть / под ред. И.Л. Петрухина. М., 2003. С. 19–20.

⁴ См. подробнее: Конституция Российской Федерации: коммент. / под общ. ред. Б.Н. Топорнина, Ю.М. Батурина, Р.Г. Орехова. М., 1994. С. 95–97.

⁵ О судебной системе Российской Федерации: федер. конституц. закон от 31 дек. 1996 г. № 1-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. 1997. № 1. Ст. 1.

⁶ Зорькин В.Д. Конституционный Суд России в европейском правовом поле // Журнал российского права. 2005. № 3. С. 3.

⁷ О Конституционном Суде Российской Федерации: федер. конституц. закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 13. Ст. 1447.

⁸ Божьев В. Научно-практический комментарий к ст. 1 УПК РФ // Уголовное право. 2002. № 1. С. 69.

⁹ Цит. по: Козлова Н. Кто посягнул на адвокатскую тайну? Конституционный Суд встал на сторону защитников // Вестник Адвокатской палаты Иркутской области. 2006. № 11. С. 15.

¹⁰ По жалобе граждан С.В. Бородин, В.Н. Бурбина, А.В. Быковского и других на нарушение их конституционных прав статьями 7, 29, 182 и 183 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 8 нояб. 2005 г. № 439-О // Собрание законодательства РФ. 2006. № 5. Ст. 633.

¹¹ Об аудиторской деятельности: федер. закон от 7 авг. 2001 г. № 119-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 33 (ч. 1). Ст. 3422.

¹² Об утверждении Положения о направлении на переработку или уничтожение изъятых из незаконного оборота либо конфискованных этилового спир-

та, алкогольной и спиртосодержащей продукции: постановление Правительства РФ от 11 дек. 2002 г. № 883 // Собрание законодательства РФ. 2002. № 51. Ст. 5080.

¹³ По жалобе гражданина Головкина Александра Ивановича на нарушение его конституционных прав положениями пункта 3 части второй статьи 82 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, части 12 статьи 27.10 Кодекса Российской

Федерации об административных правонарушениях и Постановления Правительства Российской Федерации «Об утверждении положения о направлении на переработку или уничтожение изъятых из незаконного оборота либо конфискованных этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции»: определение Конституционного Суда РФ от 10 марта 2005 г. № 97-О // Консультант Плюс: информ.-правовая система.

С.И. СУСЛОВА

кандидат юридических наук, доцент

ОБЩЕЕ ИМУЩЕСТВО СОБСТВЕННИКОВ ПОМЕЩЕНИЙ В МНОГОКВАРТИРНОМ ДОМЕ: ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

Активное обсуждение вопросов, связанных с особенностями состава общего имущества в многоквартирном доме, его четкого определения и регистрации, на сегодняшний момент как никогда актуально. Принятие постановления Правительства РФ «Об утверждении правил содержания общего имущества в многоквартирном доме и правил изменения размера платы за содержание и ремонт жилого помещения в случае оказания услуг и выполнения работ по управлению, содержанию и ремонту общего имущества в многоквартирном доме ненадлежащего качества и (или) с перерывами, превышающими установленную продолжительность» от 13 августа 2006 г. № 491¹ (далее — Постановление) позволило ответить на ряд теоретических и практических вопросов, связанных с общей собственностью. Однако следует констатировать, что далеко не все эти проблемы были решены.

Во-первых, обращает на себя внимание наличие в данном Постановлении значительного числа норм, отсылающих нас к другим нормативно-правовым документам, которые должны быть приняты в ближайшее время. И хотя обозначенные в Постановлении сроки уже прошли, никаких дополнительных разъяснений пока не появилось.

Во-вторых, данный документ содержит достаточно большое количество норм, дублирующих ЖК РФ, а не детализирующих его, что не позволяет ответить на многие вопросы, возникающие при применении норм жилищного законодательства.

Определение состава общего имущества в многоквартирном доме передано на усмотрение собственников помещений, органов государственной власти при осуществлении ими контроля в области управления многоквартирным домом и органов местного самоуправления только в случае проведения конкурса на выбор управляющей организации. Причем Постановление не устанавливает безусловной обязанности указанных субъектов заниматься определением состава общего имущества, видимо предполагая, что для собственников это выгодно. Вместе с тем практика показывает, что собственники не очень-то заинтересованы заниматься решением вопросов определения состава общего имущества и регистрации самих прав на него. Думается, что в Постановлении нужно было конкретизировать обязанности собственников по определению (индивидуализации) состава общего имущества с установлением предельных сроков его осуществления.

Отсутствует в Постановлении и механизм регистрации прав собственников на общее имущество в многоквартирном доме. По сути дела, до внесения предполагаемых изменений в постановление Правительства Российской Федерации «Об утверждении Правил ведения Единого государственного реестра прав на недвижимое имущество и сделок с ним» от 18 февраля 1998 г. № 219² на территории РФ действует в части, не противоречащей ЖК РФ, приказ Министерства юстиции РФ «Об утвержде-